

МАЛЫЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РАСПАДАЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Дунамаян Н. А.

Аннотация

Положение малых стран в рамках многополярного мира всегда было неустойчивым, так как отсутствие «разделения труда» в контексте глобального управления (как минимум, в рамках взаимодействия двух геополитических полюсов) способствовало росту угроз и уязвимости этих стран. В современном мире система международных отношений стала более сложной по причине конкуренции не только великих держав, но и появления средних, чей консолидированный потенциал может стать угрозой для мировых лидеров. Малые страны в этом контексте становятся более уязвимыми. Перед Первой и Второй мировыми войнами главными аренами противостояния великих держав становились малые государства, которые не были включены в систему международных отношений. Появление новых государств на осколках одной из сверхдержав эпохи Холодной войны привело к необходимости встроить их в текущий формат глобальных взаимоотношений, однако распад современной системы международных отношений создал конфликтный узел вокруг постсоветского пространства, где главными «жертвами» могут стать малые государства.

ՓՈՔՐ ՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՓԼՈՒՉՎՈՂ ԱՇԽԱՐՀԱԿԱՐԳԻ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ. ՊԱՏՄԱՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ

Ն. Ա. Դունամայան

Սեղմագիր

Փոքր երկրների դիրքերը բազմաբևեռ աշխարհում միշտ եղել են անկայուն, քանի որ գլոբալ կառավարման շրջանակներում «աշխարհանքի բաժանման» բացակայությունը (առնվազն երկու աշխարհաքաղաքական բևեռների միջև) փոքր երկրների պարագայում նպաստել է վրանգի և խոցելիության աճին: Արդի աշխարհում միջազգային հարաբերությունների համակարգը բարդացել է ոչ միայն մեծ տերությունների միջև մրցակցության, այլև՝ միջին տերությունների առաջացման պատճառով, որոնց համախմբված ներուժը կարող է սպառնալիք դառնալ համաշխարհային առաջնորդների համար: Փոքր երկրները այդ համատեքստում դառնում են ավելի խոցելի: Մինչև Առաջին և Երկրորդ աշխարհամարտերի սկիզբը մեծ տերությունների միջև առճակատման հիմնական ասպարեզները փոքր պետություններն էին, որոնք ներառված չէին միջազգային հարաբերությունների համակարգում: Նոր պետությունների ի հայտ գալը Սառը պատերազմի դարաշրջանի գերտերություններից մեկի բեկորների վրա հանգեցրեց գլոբալ հարաբերությունների ներկայիս ձևաչափին դրանց ինտեգրելու անհրաժեշտությանը, սակայն միջազգային հարաբերությունների ժամանակակից համակարգի փլուզումը սրեղծեց հակամարտության հանգույց հետխորհրդային տարածքի շուրջ, որտեղ հիմնական «զոհը» կարող էին դառնալ փոքր պետությունները:

SMALL STATES IN THE CONDITIONS OF THE COLLAPSING WORLD ORDER: HISTORICAL-COMPARATIVE ANALYSIS

Dunamalyan N. A.

Summary

The position of small states in a multipolar world has always been unstable, since the lack of "labor division" in global governance (at least within the cooperation of two geopolitical poles) contributed to the growth of threats and vulnerabilities of these countries. In the modern world, the system of international relations has become more complex due to competition not only between great powers, but also between middle powers, whose consolidated potential can become a threat to global leaders. Small countries are becoming more vulnerable in this context. Before the WWI and WWII, the main arenas of confrontation between the great powers were small states that were not included in the system of the international relations. The emergence of new states on the fragments of one of the Cold War era superpowers led to the need to integrate them into the current format of global relations, but the collapse of the modern system of international relations has created a conflict node around the post-Soviet space, where small states can become the main "victims".

МАЛЫЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РАСПАДАЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ²

Введение

Исследование феномена «*малых государств*» или «*малых стран*» стало актуальным сравнительно недавно, поскольку рост количества независимых государств во второй половине XX в. привел к поиску механизма включения этих стран в новый мировой порядок. Классическое понимание концепции «*малого государства*» (*small state*) основано на двух аспектах: 1. малое государство «...признает, что не в состоянии обеспечить свою безопасность исходя из собственных ресурсов и возможностей, поэтому оно возлагает надежды на содействие других государств и международных институтов»³; 2. малое государство «вынуждено вступать в асимметричные отношения, полагаясь на поддержку крупных держав или межгосударственных объединений»⁴. Несмотря на некоторый консенсус вокруг такого отношения к малым странам существует многочисленные подходы, уделяющие особое внимание политическому, технологическому, информационному или экономическому влиянию различных государств, имеющих схожие параметры в вопросе численности населения или размера территории. Однако можно найти ряд исключений, который рушат общую картину. К примеру, Израиль или Швейцария являются малыми государствами с точки зрения территории, но масштаб их влияния на международные процессы намного больше, чем у той же Монголии, Румынии или Мали. С другой стороны, определение устойчивых критериев «*малого государства*» является довольно проблематичным: ни численность населения, ни площадь государства не могут рассматриваться как значимый показатель для обозначения роли государства в международных отношениях.

Современные концепции, затрудняясь сформулировать универсальное определение понятия «*малое государство*», предлагают рассматривать элемент самовосприятия политических элит государства как один из

---

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 20 научных работ и статей.

² Статья представлена в редакцию 25.08.2024 г.

³ Rothstein Robert I., "Alliances and Small Powers." New York: Columbia University Press, 1968, pp. 29-30.

⁴ Смирнов В. А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. 2016. № 5. сс. 44-54. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520164146> (дата обращения: 24.08.2024).

ключевых факторов в определении собственного веса в международных отношениях наравне с «размером» суверенитета, территории, политических (способности государства формировать внешнеполитический консенсус и способности иметь внутреннюю сплоченность) и экономических (размер ВВП и процесс развития) возможностей⁵. Вместе с тем отмечается, что малые страны, воспринимающие себя в качестве значимых акторов международных отношений, могут добиться определенных успехов, в то время как иной подход может вести к реактивной внешней политике⁶. Субъективное понимание «своего места» в глобальной политике подчеркивается также классиком неолиберальной школы Р. Кеохейном, который замечает, что *«малая страна – это государство, лидеры которого считают, что оно никогда не сможет, действуя в одиночку или в малой группе, оказать существенное влияние на систему»*⁷.

В этом контексте стоит предложить также и собственное определение. В рамках данной статьи мы будем рассматривать малое государство как территориально-политическое образование, обладающее ограниченным влиянием на международные отношения в силу низкой ресурсной базы, что способствует проведению политики управления собственной «уязвимостью».

Во всяком случае, подходы к пониманию внешней политики малых стран со стороны либералов, реалистов или конструктивистов имеют как сильные, так и слабые стороны, однако исследователи в разные периоды становления *«теории малых стран»* не уделяли должного внимания структуре международных отношений в конкретный период времени, когда позиции малых государств менялись под влиянием изменений глобального миропорядка. Вместо споров о первичности внутренней или внешней политики возможно также поставить акцент на смене контекста существования малых стран и, следующего из этого, позиционирования политических элит в новых условиях.

Роль малых государств в формировании системы международных отношений

До 1648 г., когда была предложена первая жизнеспособная система международных отношений, существовало около 350 суверенных территориально-политических образований, которые подпадают под понятие

---

⁵ Новикова И. Н., Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 3. сс. 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301> (дата обращения: 24.08.2024).

⁶ Thorhallsson Baldur. “The Size of States in the European Union: Theoretical and Conceptual Perspectives.” *Journal of European Integration*, no 1 (28) (2006): 7-31, <https://doi.org/10.1080/07036330500480490> (дата обращения: 24.08.2024).

⁷ Keohane, Robert O. “Liliputians’ Dilemmas: Small States in International Politics”, *International Organization*, no. 23 (1969): 291–310.

«государство». Из них около 200 были малыми странами, которые в периоды глобальных кризисов становились театром военных действий между более крупными державами.

Однако становление Вестфальского миропорядка, провозгласившего государство в качестве главного субъекта международных отношений, дало гарантии для защиты интересов малых государств, основанных на незыблемости суверенитета и прототипе международного права. Вместе с тем, после XVII в. количество государств резко снизилось: в 1914 г. в мире насчитывало около 60 независимых стран (из них малых – 40). Дело в том, что предложенные механизмы сдерживания экспансионистских или имперских амбиций великих держав были неэффективны, и одновременно с этим малые страны не становились полноправными участниками выстраиваемого миропорядка⁸. Напротив, получившие независимость государства проходили через болезненный путь приобщения к установленной системе международных отношений и, одновременно, способствовали ее дальнейшему разрушению.

Таким образом, определяя новый миропорядок великие державы игнорировали роль малых стран, но вместе с этим давали им возможность встраиваться в существующую систему. Так, Венская система, согласовав основные геополитические интересы пяти главных великих держав, создала основу для их конкуренции на территориях зависимых государств и колоний (Османской империи, Китая, стран Латинской Америки и территорий в Африке). Статус малых стран был определен в качестве протекторатов, что ограничило их возможности для влияния на международные отношения. Как результат, становление национальных государств и рост национально-освободительных движений привели к переформатированию миропорядка: Объединенные Германия и Италия поставили вопрос о своей доле в разделе мира, в то время как независимость бывших османских владений переместило зону противоречий старых и новых великих держав на Балканский полуостров. Система, настроенная на договоренности между пятью державами, не смогла учесть интересы новосозданных государств и была разрушена. Малые страны в этом контексте стали главными «жертвами» и «бенефициарами» смены системы международных отношений, предполагая долгий процесс «включения» в будущий мировой порядок.

В целом, система международных отношений XIX в. имела мало характеристик, которые были выгодны для выживания малых государств, поскольку основная ответственность за баланс в международных отношениях была возложена на великие державы. Как следствие, вопрос жизнеспособности культурно близких малых стран на фоне распространения националистических идей привел к их объединению в более крупные

---

⁸ Maass M., Small states: Survival and proliferation. Int. Polit. 51, 709–728 (2014), <https://doi.org/10.1057/ip.2014.31> (дата обращения: 24.08.2024).

политические единицы (речь идет, в основном о мелких немецких и итальянских княжествах). Возникшие уже в период глубокого кризиса миросистемы балканские государства, несмотря на этнокультурную общность, сразу же были разделены на несколько лагерей из-за противоречий великих держав. Иными словами, главными модераторами процессов оставались великие державы, претендовавшие на «разделение» функций в рамках «коллективной гегемонии». Однако ограниченные возможности крупнейших акторов вели к изменению моделей поведения малых стран, которые пытались «приспособиться» в контексте меняющегося миропорядка.

Обратно пропорциональная связь между количеством стран и уровнем гибкости в международных отношениях (чем ее меньше, тем меньше суверенных образований) предоставляет возможным малым странам выбрать одну из моделей поведения⁹. В случае разрушения миропорядка выбор модели поведения становится экзистенциальным вызовом для малых государств, которые стремятся предугадать дальнейшую расстановку баланса сил между великими державами. В период распада системы международных отношений можно выделить четыре исторические модели поведения малого государства: 1. «спутники агрессора» (Болгария, Венгрия, Румыния и др.), 2. государства–жертвы краха мирового порядка (Чехословакия, Эфиопия, Бельгия и др.), 3. сражающиеся государства (Греция, Сербия, Израиль и т. д.), 4. нейтральные страны (Швейцария, Нидерланды, Швеция). Во многих случаях эти модели являются «аномалиями», спровоцированными эрозией международных отношений в текущий момент или в прошлом. «Нормальной» стратегией действий малых стран представляется поддержка существующего миропорядка, гарантирующего их суверенитет и возможности для развития. Исторически таким миропорядком можно назвать Ялтинско-Потдамскую систему, существовавшую в период с 1945 по 2010-е годы.

«Блуждающая пороховая бочка»: исторические модели поведения малых стран в условиях глобального кризиса

Масштаб современных глобальных трансформаций сопоставим с процессами, предшествовавшими Первой и Второй Мировой. В обоих случаях роль малых стран в контексте распада мирового порядка была значимой. Вместе с тем, неустойчивая система международных отношений, которая была создана великими державами, игнорировала новые политические реалии и не была способна к адаптации. Так, пренебрежение великими державами «Восточным вопросом» привело к тому, что новосозданные на Балканах государства остались вне рамок существующей системы балансов. Как

---

⁹ Morgenthau H. J., (1967) Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf.

следствие, постоянные кризисы вели к постоянной перестановке сил в регионе. Так, освобождение Болгарии, а также окончательное обретение независимости Сербией, Румынией и Черногорией, резко повысило роль Российской империи (РИ) на полуострове. Однако после Болгарского кризиса 1885 г. и отказа России поддержать объединение населенной болгарами Восточной Румелии с Болгарией привело к росту антироссийских настроений в болгарском обществе. Через 37 лет после освобождения от турецкого владычества Болгария вступила в Первую мировую на стороне Германии, Австро-Венгрии и Османской империи. Главной опорой на Балканах для РИ осталась Сербия, которая, не признав свое поражение от австрийских и немецких войск в 1915 г., совершила эвакуацию около 250 тыс. военных и гражданских к побережью Адриатики, прозванную «Албанской Голгофой». Некогда союзные Сербии болгарские войска ускорили ее разгром. Только через три года в результате поражения Болгария лишилась выхода к Эгейскому морю и погрузилась во внутриполитические кризисы, в то время как Сербия стала ядром Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). Пример этих двух стран демонстрирует нелинейность поведения малых государств, исходя из текущей расстановки политических сил в регионе.

Перед Второй мировой расклад между странами в Восточной Европе стал более сложным. Распад Австро-Венгрии, Германской и Российской империй привел к формированию новых государств. Проблема заключалась в том, что новая Версальско–Вашингтонская система (1919–1938 гг.) была настроена на постепенное реформирование, нацеленное на формирование новых независимых государств (пример, подмандатные территории на Ближнем Востоке), однако слаженного механизма включения малых стран в новую систему международных отношений не существовало (многие страны Европы до 1930-х гг. даже не признали существование СССР). Великая депрессия, отказ США от участия в европейских делах и распространение фашистской идеологии привели к росту авторитаризма по всей Европе. Геополитически Центральная и Восточная Европа представлялись великими державами (в частности, для Великобритании и Франции) «санитарным кордоном» против «коммунистической идеологии». Однако одержимость «советской угрозой» в конце концов привела к уничтожению единственного в регионе демократического малого государства – Чехословакии. Другие малые страны и марионеточные режимы в Европе и Азии стали «сателлитами» нацистской Германии и милитаристской Японии.

К началу Второй мировой войны перед малыми странами стояло два выбора: капитулировать или присоединиться к агрессору. Многие выбрали второе, хотя и первым государством антигитлеровской коалиции, нанесшим поражение державам «Оси» было малое государство – Греция (греческие войска заставили отступить Италию). Те же «сателлиты» уже к 1943 г. начали

искать контакта с союзниками, а затем и перешли на сторону антигитлеровской коалиции, тем самым включившись в построение нового миропорядка.

Создание ООН и баланс сил между сверхдержавами привел к более благоприятным условиям для становления независимых малых государств, стремящихся лавировать между глобальными игроками. Ярким примером этого стал рост численности государств-членов ООН: с 51 страны в 1945 г. до 193 – в 2011 году. Однако институт ответственности за сохранения миропорядка снова был возложен на постоянных членов Совбез ООН, что снижало роль малых стран в международных процессах. Биполярная система, выстроенная на основе баланса и конфронтации между США и СССР, создала наиболее контролируемые условия международных отношений в истории. Малые страны в этом контексте скорее приспосабливались к сложившимся обстоятельствам, чем влияли на них. После распада СССР и возникновения новых независимых государств в течение 1990-х (в т. ч. непризнанных и частично признанных) начали проявляться те же признаки, что и перед началом Первой и Второй мировой: формирование суверенных стран новой волны происходило на стыке геополитических зон влияния, что могло привести к новым кризисам. С другой стороны, продвигаемый Соединенными Штатами процесс глобализации был выгоден для малых стран, которые при скудности собственных ресурсов могли приобщиться к мировым трендам в развитии технологий, экономики, информационного пространства и политики (примеры Катара, Сингапура, Швейцарии, Израиля и др.).

Между «правом на самоопределение» и «территориальной целостностью»

Становление малых государств демонстрирует трансформацию миропорядка в миниатюре. Многие процессы, которые происходили на региональном уровне с участием малых государств, становились репетицией глобальных изменений. Увеличение роли малых государств было связано также с изменением позиции сверхдержав в вопросе контроля над зависимыми территориями. Если в эпоху колониализма было важно обладать обширными территориями и их ресурсами, то в ходе Второй мировой войны позиции США и СССР сблизились вокруг необходимости деколонизации и перевода геополитического противостояния из области территориальной экспансии в сферу идеологической борьбы. При этом переход малого государства из одного лагеря в другой воспринимался сверхдержавами слишком болезненно, что давало малым странам дополнительный «рычаг давления». Малые государства, в частности, могли стать «свободными попутчиками» в сфере обеспечения безопасности, эксплуатируя либо озабоченность сверхдержавы сохранением единства, либо даже расширением

своего блока¹⁰. Такая постановка вопроса придавала большее звучание тезису «о правах народов на самоопределение» как важного принципа для становления малых государств.

Деидеологизация мирового порядка после распада биполярной системы вела к пересмотру старых мифологем: на смену идее либерального порядка пришла проблема дефицита ресурсов и необходимости борьбы за них¹¹. Оперирование к важности сохранения «территориальной целостности» со стороны различных государств, наоборот, демонстрировало закат «эпохи малых стран» и возвращение ко времени великих держав. Мир стал возвращаться к системе «концертов великих держав», где важную функцию будут выполнять не «правила», а баланс сил и договоренности между державами. При этом данная система станет не глобальным, а межрегиональным феноменом¹². В этом контексте инструмент силы может стать более важным ресурсом, чем ценностные или идеологические ориентиры государства. Традиционно выживание малых государств было дополнительно обеспечено растущей маргинализацией «конвенциональной» межгосударственной войны¹³, что было обусловлено опытом катастроф двух мировых войн и созданием более устойчивой системы сдерживания между сверхдержавами (в основном благодаря ядерному оружию). Вторая Карабахская война стала первой межгосударственной войной за долгие годы, явственно представив регресс мировых процессов. В 2020–2023 гг. была уничтожена субъектность второго армянского государства – Арцаха. Это событие стало первым случаем полного уничтожения малого государства (хоть и непризнанного) за последние 75 лет.

«Эпоха колоссов на глиняных ногах»: рост влияния средних держав

Важной чертой современных международных отношений является наличие т. н. «средних держав». Если в XIX в. крупные страны, сохраняющие элементы суверенитета на основе конкуренции великих держав на их территории, становились полуколониями (примеры, Османской империи или Китая), то в

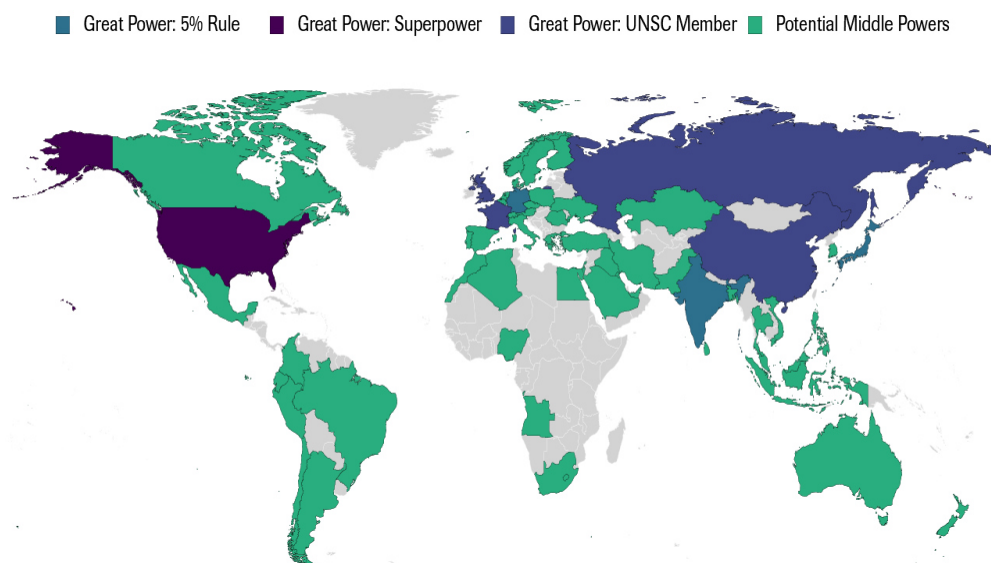
¹⁰ Handel M., (1981) *Weak States in the International System*. Totowa, NJ: Frank Cass.

¹¹ Kaplan R. D., Gray J., & Thompson H., *The New Age of Tragedy: Great-power rivalry, resource scarcity and the crumbling of the liberal rules-based order* / *The New Statesman* (26.04.2023), <https://www.newstatesman.com/ideas/2023/04/new-age-tragedy-china-food-europe-energy-rob-kaplan-helen-thompson-john-gray> (дата обращения: 24.08.2024).

¹² Дунамалян Н.А., Габриелян А.А., ООН в системе координат международной политики: текущая ситуация и прогнозы/ Сборник статей финалистов конкурса молодых международныхников СНГ имени А. А. Громыко 2020/ под ред. В. В. Сутырина, А. С. Пешенькова. М.: Институт Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А.А. Громыко. 2021. сс. 203–216.

¹³ Tilly C., (2002) 'Violence, Terror, and Politics as Usual', *Boston Review* 27 (3–4): 21–4. <https://www.bostonreview.net/articles/charles-tilly-violence-terror-and-politics-usual/> (дата обращения: 24.08.2024).

современных условиях такие государства способны сохранять относительную стабильность развития и влиять на международные отношения. Согласно некоторым мнениям все средние державы демонстрируют внешнеполитическое поведение, которое стабилизирует и легитимизирует мировой порядок, обычно через мультилатеральные (многосторонние) и партнерские инициативы. Однако можно различать развивающиеся и традиционные средние державы по их внутривнутриполитическим и поведенческим различиям ¹⁴ (Рис. 1). Основным критерием классификации страны как «средней державы» является размер ее экономики, рост численности населения, технологическое развитие, дипломатическая активность, а также ее вес в международных торговых и инфраструктурных проектах. Однако важнейшим фактором является стремление крупного государства поддерживать тренд мультилатерализма в международных отношениях, то есть – равног сотрудничества со всеми центрами силы. В случае малых стран чаще используется термин «комплементарность», который означает не столько «многосторонность», сколько пополняемость недостающих ресурсов посредством сотрудничества с великими державами.

Рисунок 1. Потенциальные средние державы в современном мире.

Источник: <https://www.clingendael.org/pub/2018/strategic-monitor-2018-2019/a-balancing-act/> (дата обращения: 24.08.2024).

Во многих случаях вклады средних и малых держав в защиту прав человека, экологию или посредничество в международных конфликтах в совокупности выше, чем у великих держав, что показывает трансформацию влияния крупных государств на мировые процессы (Таб. 1-2). Но в то же время

¹⁴ Гумарова М. Средние державы: какие страны входят в список и почему? (28.05.2024), <https://www.inform.kz/ru/srednie-derzhavi-kakie-strani-vhodyat-v-spisok-i-pochemu-aeceb4> (дата обращения: 24.08.2024).

просматривается тенденция переноса великими державами части своей глобальной ответственности на другие государства, что, однако, не означает роста «политического» влияния средних и малых государств.

Таблица 1.

Вклад средних держав в мировую экологию в 2017 г.

Источник: UN Environment Protection Fund (2017)

	Топ 10	Взнос в долл.	Топ 10 без великих держав	Взнос в долл.
1	Германия	\$8 314 940,90	Нидерланды	\$6 437 400,00
2	Франция	\$7 550 550,00	Швеция	\$4 892 998,89
3	Нидерланды	\$6 437 400,00	Бельгия	\$4 687 600,00
4	США	\$6 063 730,00	Швейцария	\$4 000 100,00
5	Швеция	\$4 892 998,89	Норвегия	\$3 000 000,00
6	Бельгия	\$4 687 600,00	Италия	\$2 945 750,00
7	Великобритания	\$4 283 070,00	Канада	\$2 313 260,20
8	Швейцария	\$4 000 100,00	Дания	\$1 430 144,59
9	Норвегия	\$3 000 000,00	Финляндия	\$1 159 700,00
10	Италия	\$2 945 750,00	Южная Корея	\$575 930,75

Таблица 2.

Вклад средних держав в дипломатические миссии и посредничество

Источник: UN Department of Political Affairs (DPA)

	Топ 10	Взнос в долл.	Топ 10 без великих держав	Взнос в долл.
1	Германия	\$6 453 000	Норвегия	\$3 275 000
2	Великобритания	\$3 665 000	Нидерланды	\$2 883 000
3	Норвегия	\$3 275 000	Дания	\$2 610 000
4	Нидерланды	\$2 883 000	Канада	\$2 086 000
5	Дания	\$2 610 000	Швеция	\$1 669 000
6	Канада	\$2 086 000	Южная Корея	\$1 605 000
7	Швеция	\$1 669 000	Италия	\$1 175 000
8	Южная Корея	\$1 605 000	Австралия	\$967 000
9	Франция	\$1 312 000	Новая Зеландия	\$729 000
10	Италия	\$1 175 000	Катар	\$500 000

Средние державы, напротив, ограничены — как в намерениях, так и в своей деятельности — региональными условиями безопасности и относительно ограниченными ресурсами¹⁵. Несмотря на большие запасы полезных ископаемых или рост населения, эти страны не способны развивать промышленность или насыщать собственный рынок своей же продукцией (за исключением нескольких примеров) по причине географической изолированности и бедности населения. В любом случае возникает зависимость от более крупных государств, предоставляющих выход на мировые рынки и обладающих более развитыми технологиями. Вместе с тем, такие страны как Турция, Бразилия, Египет, Индонезия или Казахстан могут иметь высокий экономический и инфраструктурный потенциал, однако угроза внутривнутриполитической дестабилизации (а также высокий уровень организованной преступности, угроза терроризма и сепаратизма) не дает этим государствам эффективно конкурировать с великими державами.

С другой стороны, средние державы пытаются нейтрализовать свои слабости посредством создания региональных организаций или союзов, основанных на культурно-исторической близости или экономических интересах. К подобным форматам можно отнести «Организацию тюркских государств» во главе с Турцией, «Инициативу трех морей» во главе с Польшей, различные инициативы Казахстана в Центральной Азии, многочисленные общеевразийские транспортные и торговые проекты. Позиционированием себя как посредника между малыми странами и глобальными акторами средние державы стремятся обезопасить себя от давления мировых центров силы. Вместе с тем, амбиции средних держав могут стать реальной угрозой интересам великих держав, что уже просматривается в требованиях изменить состав постоянных членов Совбеза ООН и ростом влияния средних держав в рамках диалоговой площадки G20.

Очевидным следствием этого может стать сотрудничество между малыми странами и глобальными лидерами с целью сдержать геополитическое влияние средних держав. Однако в условиях распада системы международных отношений и конфликта между глобальными игроками возникло две тенденции: 1. формирование объединения стратегических соперников США со средними державами в рамках БРИКС+; 2. попытки сохранения «*мирового порядка, основанного на правилах*» со стороны Запада. В обоих случаях рамки форматов сотрудничества аморфны, что провоцирует геополитический вакуум, в рамках которого средние державы и малые страны могут нарушать «правила» без малейших опасений. Как следствие, на региональном уровне великие державы (по причине отсутствия договоренностей вокруг

---

¹⁵ Moeini A., Mott Ch., Paikin Z., Polansky D. Middle Powers in the Multipolar World / The Institute for Peace & Diplomacy (March 2022), <https://peacediplomacy.org/wp-content/uploads/2022/03/Middle-Powers-in-the-Multipolar-World-2.pdf> (дата обращения: 24.08.2024).

современной системы международных отношений) впадают в значительную зависимость от средних и малых держав в деле диверсификации энергетики и инфраструктуры.

Подобная ситуация имеет временный характер, но одержимость средних держав подчеркнуть свою самостоятельность от глобальных лидеров, – что включает не только геополитическую ориентацию, но и акцентирование на самобытной культуре, истории, ценностях и особенностях политического режима, – угрожает более уязвимым малым странам. Малые государства могут восприниматься как «естественные» союзники великих держав, что будет способствовать усилению политического и экономического давления со стороны средних держав. Как пример можно отметить, враждебное отношение к Армении как к «союзнику» РФ и Ирана со стороны Турции и Израиля или «контролируемое» углубление отношений стран Юго-Восточной Азии с Китаем в рамках АСЕАН.

Во всяком случае, несмотря на амбициозность региональных проектов средних держав, их уязвимость перед военной и экономической мощью ведущих мировых держав очевидна. Внешне- и внутривнутриполитические перемены также чреваты изменением политического курса средних держав, что не позволяет им разрабатывать долгосрочные планы, направленные на трансформацию внешней среды. В некоторых случаях средние державы пытаются использовать ресурсы глобальных организаций для достижения своих собственных целей (примеры, Турция–НАТО, Польша–ЕС), однако такой подход может быть действенным до определенных границ, очерченных лидерами объединения или союза. В конечном счете, поведение средних держав является конъюнктурным и отражает стремление минимизировать влияние со стороны могущественных соседей. Малые страны, в этом контексте, могут выработать более жизнеспособную стратегию, связанную с поддержанием существующего миропорядка или стремлением принять участие в становлении нового баланса сил в мире.

Стратегия включения малых стран в миропорядок: уроки постсоветского пространства

Как было отмечено выше, распад Венской системы произошел во многом из-за игнорирования «Восточного вопроса» и порожденных им новых государств на осколках Османской империи. Изоляционистская политика США, всемирный экономический кризис (Великая депрессия) и провальная попытка великих держав создать систему коллективной безопасности в Европе после Первой мировой войны способствовала обособлению восточноевропейских стран, которые не могли найти баланса в отношениях с соседними государствами, что привело либо к их поглощению более крупными державами или подчинению Нацистской Германии. Схожая ситуация

исключения полноценного участия государств постсоветского пространства (а также некоторых других осколков постсоциалистического лагеря, которые не смогли присоединиться к структурам НАТО или ЕС) привела к современному кризису системы международных отношений, где главной ареной противостояния великих держав сегодня становится именно этот регион.

Несмотря на то, что в различных международных докладах в качестве средних держав на постсоветском пространстве отмечают Украину и Казахстан¹⁶, нельзя однозначно определить роль постсоветских республик в современной структуре международных отношений. «Невстроенность» постсоветских республик в мировой порядок делает их, прежде всего, объектом действий великих держав, что способствует их попыткам лавировать между разными геополитическими «течениями», однако основные параметры этих государств все еще соответствуют категории малых государств. В зависимости от возможностей обеспечить собственную безопасность и наличия для этого ресурсов малые государства могут выбирать одну из этих трех стратегий: *пассивную, активную или оборонительную*¹⁷.

Представителями пассивной стратегии сегодня являются Молдова, Армения и, отчасти, Беларусь, так как главные особенности политики этих государств заключаются в добровольном отказе (в открытом или латентном виде) действовать и функционировать как самостоятельное образование в рамках глобальной политики. Такая позиция может исходить из убежденности элит или общественности в бессмысленности конфликтной ситуации, так как социально-экономические издержки могут быть выше защиты государственных интересов. Пример Беларуси может казаться некорректным, однако действия белорусских властей в контексте обеспечения лояльности РФ может демонстрировать добровольный отказ этого государства от формулировки собственных национальных интересов. К тому же здесь важен фактор восприятия возможной конфликтной ситуации обществом и готовностью граждан защищать государственный интерес.

К активной стратегии можно отнести Азербайджан, Узбекистан и Кыргызстан. Эти страны пытаются изменить внешнюю (политико-безопасностную) среду в свою пользу, удовлетворяя свои национальные стратегические интересы за счет стратегических интересов и преимуществ государства–противника (или внешнего конкурента). Важным аспектом в рамках продвижения активной стратегии является диверсификация возможностей государства по маневрированию в глобальной политике, а

---

¹⁶ Gotev G. German think tank ranks Kazakhstan as ‘world middle power’ / Euraktiv (14.02.2024), <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/german-think-tank-ranks-kazakhstan-as-world-middle-power/> (дата обращения: 24.08.2024).

¹⁷ David Vital (1971), *The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict*, Oxford University Press.

также увеличение и расширение материальной и качественной базы собственного внутреннего потенциала (демография, военная мощь, экономические связи, инфраструктура и т. д.).

В рамках оборонительной стратегии малые страны пытаются сохранить статус-кво и ранее приобретенные преимущества, опираясь на внутренний рост национального потенциала и экономики. В краткосрочной перспективе эта стратегия может быть реалистичной, но стратегически неоправданной, поскольку странам будет сложно сохранять прежние темпы развития и политические связи на фоне распадающейся системы международных отношений. Так, позиция Казахстана и Грузии в вопросе лавирования между интересами России, Китая и Запада, а также стремление Таджикистана и Туркменистана законсервировать политический режим в условиях глобальных перемен, в общем соответствует оборонительной стратегии.

Вне сомнения, что изменение структуры международных отношений может заставить малые страны постсоветского пространства резко сменить стратегию, что также связано с возможными просчетами в анализе внешней среды и поведении соседних государств. К тому же уязвимость малых стран будет повышаться параллельно становлению многополярного миропорядка, который изначально имеет конфронтационный характер¹⁸. Разновекторность стратегий постсоветских республик также увеличивает вероятность конфликтных ситуаций и возможность изменения моделей поведения под давлением более активных соперников. Во всяком случае бывшие союзные республики проходят через болезненный процесс включения в международный порядок, где их роль может возрасти.

Особенности стратегии РА в статусе «малого государства»

На протяжении 33 лет независимости многие тенденции развития Армении соответствовали типичным признакам малого государства, страдающего от ряда ограничений, связанных с небольшими размерами территории, узкой ресурсной базой, малым внутренним рынком исторически сложившейся зависимостью от сырьевых товаров для экспорта¹⁹. Как следствие, у Армении не оставалось иного выбора, кроме как стремиться к социальной, культурной, экономической и политической открытости для мира, что, в свою очередь, привело к росту уязвимости в геополитическом плане. Проблема заключалась

---

¹⁸ Մրրահալմյան Է., Պատերազմն ու խաղաղությունը փոքր պետությունների միջև մրցակցային բազմաբևեռ դարաշրջանում / Armagora, <https://armagora.am/war-and-peace-small-states/> (дата обращения: 24.08.2024).

¹⁹ Bishop, Matthew L. “The political economy of small states: Enduring vulnerability?” Review of International Political Economy, no. 19, (2012): 942-960. <http://dx.doi.org/10.1080/09692290.2011.635118> (дата обращения: 24.08.2024).

в том, что малое государство обычно оказывается «более слабой стороной в асимметричных отношениях, неспособной изменить характер или функционирование отношений [самостоятельно]»²⁰. Однако кейс Армении отличался многофакторным характером формирования государственных интересов, где в определенные периоды независимости восприятие потенциала государства могло формироваться посредством взаимовлияния дискурсов элит Республики Армения, Нагорно-Карабахской Республики и диаспоры. Из-за этого тезис о том, что «малые страны привязаны к конфигурации сил (как на региональном, так и на глобальном уровне) и ее институциональному выражению, независимо от их конкретного отношения к ней»²¹ в случае Армении кардинально отличался.

Армянский пример выпадал из общей логики, подчиняясь лекалам этноконфессиональной модели национальной идентичности, способствующей быстрой мобилизации культурного национализма на основе определенных исторических травм, восприятия «исторической родины» и элементов самосознания, но не обособлению интересов Республики Армения от «интересов армянства». Однако армянский транснационализм, направленный на унификацию интересов различных сообществ, ассоциирующих себя с армянской нацией, не был капитализирован независимой республикой на долгосрочной основе. Этому препятствовали гетерогенность армянских общин диаспоры, проблемы с согласованием интересов внутри и вне Республики Армения, разноориентированная «агентность» армянских политических элит²².

Наиболее ярко раскол между элитами проявился после 44-дневной войны 2020 г., когда поражение в войне было трактовано армянским руководством как необходимость отказа от прошлых «амбиций» и необходимость концентрации на интересах сугубо Республики Армения²³. Вместе с тем, упразднение второго армянского государства и разрыв отношений с националистически настроенными диаспоральными элитами привели к «сужению» дискуссии вокруг армянских интересов буквально до границ Республики Армения.

---

²⁰ Wivel Anders, Bailes Alyson J., and Archer Clive (2014). "Setting the scene: small states and international security" In Small states and international security: Europe and beyond edited by Wivel Anders, Bailes Alyson J., and Archer Clive. London: Routledge. 2014: 3–25.

²¹ Mouritzen H., & Wivel A., "Introduction." In H. Mouritzen & A. Wivel (Eds.), The geopolitics of Euro-Atlantic integration, London: Routledge. 2005: 1–11.

²² Дунамян Н. А., Давтян В. С., Тавадян А. А., Экономическое развитие как способ компенсации внешнеполитических рисков: пример Армении. Международная аналитика. 2023;14(1):92-110. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-92-110> (дата обращения: 24.08.2024).

²³ «Да Независимости, Да Суверенитету, Да Республике Армения!» Поздравление Пашиняна с Днем Независимости / Арменпресс (21.09.2021), <https://armenpress.am/rus/news/1093038/>; «Эдуард Агаджанян: У Армении отныне нет возможностей, ресурсов для обеспечения прав и свобод народа Арцаха» / Panorama.am. (08.10.2022), <https://www.panorama.am/ru/news/2022/10/08/Эдуард-Агаджанян/2740744/> (дата обращения: 24.08.2024).

Признание политической элитой неспособности влиять на сложившуюся систему отношений в регионе и мире продемонстрировало приверженность становлению концепта «*малой страны*» в рамках сосредоточения на решении экономических проблем, предоставляющих позитивное восприятие внутренней стабильности общества. Другое дело, что в Армении восприятие политического риска под влиянием адаптации к искусственным ограничениям (блокада и военный конфликт) формировалось специфическим образом, не присущем малым странам. Фактор Карабахского конфликта создавал необходимость построения такой политической и экономической системы, которая, учитывая высокий уровень риска, смогла бы существовать в условиях постоянной угрозы военных действий и способствовать сохранению сложившегося баланса сил в регионе. Сегодня переход к осмыслению армянской элитой концепта «*малого государства*» в качестве магистрального видения будущего Армении возможен только в случае полного переформатирования изначальных предпосылок развития республики (Карабахский фактор, вопрос Геноцида и отношений с Турцией, армяно-российские отношения), что, при всех усилиях нынешних элит, представляется маловероятным.

К тому же региональная конфигурация основных сил в зоне Южного Кавказа выглядит следующим образом: великие державы – Россия, ЕС, США, Китай; средние державы – Турция, Иран; страна, претендующая на звание регионального лидера и средней державы – Азербайджан; малые государства – Грузия, Армения. Такая ситуация способствует высокой вероятности региональной конфронтации, что угрожает безопасности, в первую очередь, Грузии и Армении. В этом контексте Республика Армения может выбрать несколько вариантов действий: 1. институционализировать пассивную стратегию в форме внеблокового нейтрального государства²⁴; 2. наладить отношения с одной из средних держав региона, где ее позиции будут иметь подчиненный характер; 3. упрочнить сотрудничество с внерегиональными великими державами. В условиях глобальной конфронтации данные сценарии будет очень сложно воплотить в жизнь, так как конфликт между малыми и средними державами в случае отсутствия резких изменений в текущей структуре международных отношений может быть не замечен более крупными игроками. Кроме того, конфронтация между великими державами будет мешать им напрямую поддерживать малые страны.

---

²⁴ Թաթիկյան Ս., Դասեր Ֆինլանդիայի արտաքին և անվտանգային քաղաքականությունից /EVNreport (14.03.2024), <https://evnreport.com/arm/politics-arm/lessons-from-finland/> (дата обращения: 24.08.2024).

Заклучение

В условиях построения нового миропорядка первыми жертвами глобальных перемен становятся малые государства, которые неспособны быстро адаптироваться к новой структуре отношений. Наличие в современном мире средних держав и большого количества инструментов сдерживания прямого глобального конфликта (фактор ядерного оружия, торгово-экономическая взаимозависимость, роль общественного мнения и т. д.) также усложняет процесс перехода к новому миропорядку, который бы мог представить какие-либо гарантии сохранения суверенитета малым странам.

Исторический анализ показывает нелинейность становления системы международных отношений, которое представляет из себя не однозначный прогресс, а периодическое возвращение к предыдущим моделям развития, поэтому трансформация миропорядка может иметь не только позитивные аспекты, но и элементы регресса. Для малых государств в этом контексте важно занять определенную нишу (в рамках инфраструктурных проектов или интеграционных объединений), где они смогут продлить свое существование вплоть до следующего этапа стабилизации международных отношений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гумарова М., Средние державы: какие страны входят в список и почему? (28.05.2024), <https://www.inform.kz/ru/srednie-derzhavi-kakie-strani-vhodyat-v-spisok-i-pochemu-aeceb4>
2. Дунамалян Н. А., Габриелян А. А. ООН в системе координат международной политики: текущая ситуация и прогнозы/ Сборник статей финалистов конкурса молодых международников СНГ имени А. А. Громыко 2020/ под ред. В. В. Сутырина, А. С. Пешенькова. М.: Институт Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А. А. Громыко, 2021. сс. 203-216.
3. Дунамалян Н. А., Давтян В. С., Тавадян А. А., Экономическое развитие как способ компенсации внешнеполитических рисков: пример Армении. Международная аналитика. 2023;14(1):92-110. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-92-110>
4. Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 3. сс. 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
5. Смирнов В. А., Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа, 2016. № 5. сс. 44-54. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520164146>
6. Bishop Matthew L. “The political economy of small states: Enduring vulnerability?” Review of International Political Economy, no. 19, (2012): 942-960, <http://dx.doi.org/10.1080/09692290.2011.635118>
7. Gotev G. German think tank ranks Kazakhstan as ‘world middle power’ / Euraktiv (14.02.2024), <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/german-think-tank-ranks-kazakhstan-as-world-middle-power/>

8. Handel M., (1981) *Weak States in the International System*. Totowa, NJ: Frank Cass.
9. Kaplan R. D., Gray J., & Thompson H. *The New Age of Tragedy: Great-power rivalry, resource scarcity and the crumbling of the liberal rules-based order / The New Statesman* (26.04.2023), <https://www.newstatesman.com/ideas/2023/04/new-age-tragedy-china-food-europe-energy-robert-kaplan-helen-thompson-john-gray>
10. Keohane Robert O., “Liliputians’ Dilemmas: Small States in International Politics”, *International Organization*, no. 23 (1969): 291-310.
11. Maass M., *Small states: Survival and proliferation*. *Int Polit* 51, 709–728 (2014). <https://doi.org/10.1057/ip.2014.31>
12. Moeini A., Mott Ch., Paikin Z., Polansky D. *Middle Powers in the Multipolar World / The Institute for Peace & Diplomacy* (march 2022), <https://peacediplomacy.org/wp-content/uploads/2022/03/Middle-Powers-in-the-Multipolar-World-2.pdf>
13. Morgenthau H.J. (1967) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.
14. Mouritzen H., & Wivel A., “Introduction”. In H. Mouritzen & A. Wivel (Eds.), *The geopolitics of Euro-Atlantic integration*, London: Routledge. 2005: 1–11.
15. Rothstein Robert L., “Alliances and Small Powers”, New York: Columbia University Press, 1968, pp. 29-30.
16. Thorhallsson Baldur. “The Size of States in the European Union: Theoretical and Conceptual Perspectives”. *Journal of European Integration*, no 1 (28) (2006): 7-31. <https://doi.org/10.1080/07036330500480490> (дата обращения: 24.08.2024).
17. Tilly C., (2002) ‘Violence, Terror, and Politics as Usual’, *Boston Review* 27(3–4): 21–4, <https://www.bostonreview.net/articles/charles-tilly-violence-terror-and-politics-usual/>
18. Vital David. (1971). *The survival of small states: studies in small power/great power conflict*. London, New York : Oxford University Press.
19. Wivel, Anders, Bailes, Alyson J., and Archer Clive (2014). “Setting the scene: small states and international security” In *Small states and international security: Europe and beyond* edited by Wivel, Anders, Bailes, Alyson J., and Archer Clive. London: Routledge. 2014: 3–25.
20. Աբրահամյան Է., Պատերազմն ու խաղաղությունը փոքր պետությունների միջև մրցակցային բազմաբևեռ դարաշրջանում / *Armagora*, <https://armagora.am/war-and-peace-small-states/>
21. Թաթիկյան Ս., Դասեր Ֆինլանդիայի արտաքին և անվտանգային քաղաքականությունից / *EVNreport* (14.03.2024), <https://evnreport.com/arm/politics-arm/lessons-from-finland/>
22. «Да Независимости, Да Суверенитету, Да Республике Армения!» Поздравление Пашияна с Днем Независимости» / *Арменпресс* (21.09.2021), <https://armenpress.am/rus/news/1093038/>
23. «Эдуард Агаджанян: У Армении отныне нет возможностей, ресурсов для обеспечения прав и свобод народа Арцаха» / *Панорама.ам*. (08.10.2022), <https://www.panorama.am/ru/news/2022/10/08/Эдуард-Агаджанян/2740744/>